

КОМНАТА для МЁРТВЫХ

ВАЛЕНТИНА КЛЕСТЕР

Валентина Клёстер

Комната для мёртвых

«Автор»

2026

Клёстер В. В.

Комната для мёртвых / В. В. Клёстер — «Автор», 2026

Реставратор Вера Ланская принимает загадочный заказ в бывшей клинике и обнаруживает собственный портрет, написанный задолго до её рождения. Под изображением стоит дата смерти — до неё всего одиннадцать дней. Чтобы разгадать тайну, Вере предстоит открыть запечатанную комнату 13, где картины хранят голоса умерших, а чужие воспоминания невозможно отличить от собственных. Но чем ближе истина, тем страшнее вопрос: что на самом деле делает человека собой?

© Клёстер В. В., 2026

© Автор, 2026

Валентина Клёстер
Комната для мёртвых
МИСТИЧЕСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
Комната для мёртвых

Полная цельная редакция • 2026

Пролог.

Дата на портрете

За одиннадцать дней до назначенной даты Александр Рейн стоял в галерее и ждал, когда высохнет подпись.

Ждать было бессмысленно. Он знал это лучше любого живого человека. Иван Радов умер двадцать восемь лет назад, его кисти лежали в опечатанном шкафу, а краска на старых полотнах не подчинялась ни температуре, ни времени. Но привычка наблюдать спасала Александра от единственного вопроса, на который у него не осталось научного ответа: почему мёртвые продолжали исправлять его записи.

В галерее не работало отопление. Октябрьский холод проникал через каменные стены, однако от портрета исходило слабое тепло. Александр поднёс к поверхности термометр. Девятнадцать и восемь — на два градуса выше воздуха.

На холсте была молодая женщина в сером пальто. Тёмные волосы убраны за уши, пальцы испачканы реставрационной мастикой, на левом запястье — тонкий белый шрам. Ещё утром фон оставался ровным. Теперь за плечом женщины проступала дверь: сначала прямоугольник более тёмной краски, потом латунная цифра 13.

Александр поставил рядом распечатанную фотографию, полученную из московской мастерской. На снимке Вера Ланская держала отреставрированную икону. Женщина с фотографии и женщина на портрете были одним человеком — вплоть до свежей царапины под подбородком, появившейся после аварии в июле.

Под изображением блестела новая надпись:

«Вера Ланская. 14 октября 2026 года. 03:17».

Александр сжал увеличительное стекло. В лаке отразилось его лицо — старое, осунувшееся, без привычного выражения уверенности.

— Рано, — сказал он полотну. — Ещё одиннадцать дней.

Часы над входом показали 03:17. Секундная стрелка задержалась, дёрнулась и пошла дальше.

Из-за стены ответил детский голос:

— Это ты опоздал.

Александр не обернулся. За стеной находилась комната №13. Кирпичная кладка перекрывала вход с 2005 года, аппаратура была отключена, ключ хранился у него. По крайней мере, так следовало из журналов.

На портрете в ладони Веры возник латунный ключ.

— Я исправлю, — сказал Александр.

— Ты всегда так говоришь.

Он накрыл картину серой тканью и закрепил её зажимами. Потом включил верхний свет, проверил замок галереи и набрал номер Виктора.

— Найдите Веру Ланскую. Предложите любую сумму. Она должна быть здесь до третьего октября.

— А если откажется?

— Не откажется. У неё долги.

Александр завершил вызов. Под тканью что-то медленно провело ногтем по холсту.

Раз.

Он остановился у двери.

Два.

На этот раз звук донёсся не из портрета, а из стены.

Три.

В галерее пахло яблоками и свежей зелёной краской.

Глава 1. Предложение

Конверт лежал между счётом за аренду и рекламой срочных кредитов, хотя Вера дважды проверила замок почтового ящика. Плотная кремовая бумага, чёрный воск со знаком пере-

чёркнутого круга и запах льняного масла — слишком театрально для деловой переписки и слишком дорого для шутки.

В мастерской было холодно. Хозяин здания обещал включить отопление после погашения долга, банк обещал забрать оборудование через двадцать дней, а заказчик обещал оплатить икону «на следующей неделе» уже второй месяц.

Вера разрезала конверт реставрационным скальпелем.

«Предлагаем провести консервацию закрытой коллекции. Срок — двенадцать ночей. Вознаграждение — три миллиона рублей. Полная конфиденциальность».

К письму прилагалась фотография галереи. На обороте стояло: «1989». Вера рассмотрела отпечаток под лампой. Бумага действительно была старой, но подпись нанесена недавно.

Она позвонила по указанному номеру.

— Александр Рейн, — ответил мужской голос.

— Мне нужно описание коллекции, состояние объектов, условия хранения и юридическое подтверждение права собственности.

— Получите на месте.

— Тогда найдите другого реставратора.

— У другого нет вашего опыта со скрытыми красочными слоями.

Вера посмотрела на стол, где под японской бумагой сохла икона. О её последней работе знали только заказчик и экспертная комиссия.

— Откуда у вас мой адрес?

— От вашей матери.

Елена умерла восемь месяцев назад.

Вера положила трубку. Через минуту телефон зазвонил снова, но она не ответила. Вечером пришло письмо из банка. Утром она подписала договор, тщательно вычеркнув пункт о запрете покидать территорию.

За ней приехал сам Александр — высокий седой мужчина в тёмном пальто. Он не протянул руки и не удивился двум чемоданам с инструментами.

— До места два часа, — сказал он. — Связь пропадёт после шоссе.

— У владельцев коллекции есть имя?

— Было несколько.

Лес сомкнулся вокруг дороги ещё до заката. Навигатор потерял маршрут, мобильный сигнал исчез, а электронные часы на приборной панели начали отставать. Вера заметила это, но ничего не сказала.

За ржавыми воротами показалось здание бывшей клиники: три этажа, закрытые веранды, высокие окна. Фасад был недавно отремонтирован, зато над центральным входом сохранился выцветший герб медицинского института.

Внутри пахло воском, пылью и больничным хлором.

Александр провёл её в галерею. Портреты висели по хронологии. Под каждым именем стояли даты рождения и смерти. У некоторых смерть была указана до дня и минуты.

— Это мемориальная коллекция? — спросила Вера.

— Скорее наблюдение.

— За чем?

— За тем, как долго человек остаётся собой.

Вера остановилась перед портретом женщины, стоящей в воде. На поверхности холста блеснули капли, хотя влажность была нормальной.

— Кто художник?

— Иван Радов. Большинство работ написаны им.

— Он умер в девяносто восьмом.

— Да.

У последней стены висело полотно под серой тканью.

— Это главная причина, по которой мы пригласили именно вас.

Александр снял ткань.

С холста смотрела Вера. Не похожая женщина — она сама. Шрам под подбородком, серое пальто, привычка поджимать левую губу. За её спиной была дверь №13.

Подпись гласила: «Вера Ланская. 14 октября 2026 года. 03:17».

Вера коснулась края подрамника. Дерево потемнело от возраста.

— Когда это написано?

— В 1989 году.

Она наклонилась к кракелюру. Трещины проходили сквозь лицо и свежий шрам одинаково.

Портрет был старше её.

Глава 1. Предложение

Глава 2. Галерея

Утром Вера потребовала спектральную лампу, микроскоп и доступ ко всем регистрационным картам. Александр отдал ключи от мастерской, но архив оставил закрытым.

— Я не работаю с объектом, происхождение которого скрывают.

— Вы работаете с повреждённой живописью.

— Происхождение — часть повреждения.

Он посмотрел на неё так, будто услышал давно знакомую фразу.

Вера начала с собственного портрета. Грунт содержал мел и свинцовые белила, характерные для старой техники Радова. В кромках не было следов повторной натяжки. Пигменты подчинялись возрасту, а изображение — нет.

Она сфотографировала полотно, записала параметры и перешла к остальным.

Иван Мельников был изображён в тёмной комнате. За окном полыхал огонь. Подпись сообщала, что он умер 14 октября 1998 года. Ольга Морен стояла по пояс в воде; серебряные капли казались влажными. София Райн смотрела через плечо на закрытую дверь.

— Родственница? — спросила Вера.

— Сестра.

— Причина смерти?

— Ошибка.

— Врача?

— Моя.

Больше Александр не сказал.

Вера сравнила новый снимок Мельникова с фотографией из каталога. На каталожном изображении огонь находился далеко за окном. Теперь пламя касалось занавески. У Ольги Морен вода поднялась до груди. София повернула голову ещё на несколько градусов.

— Кто-то меняет картины, — сказала Вера.

— Поэтому вы здесь.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

На столике под портретом Софии стояла серебряная чаша. В написанном отражении Вера увидела высокую фигуру без лица. Она подняла руку — фигура повторила движение с секундной задержкой.

Вера отступила. Отражение осталось на месте.

Александр снял портрет со стены. За рамой висел маленький латунный ключ с цифрой 13.

— Он был здесь? — спросила Вера.

— Нет.

Она положила ключ в пакет для образцов.

— Сегодня я осмотрю коридор.

— После полуночи не выходите из мастерской.

— Это условие договора?

— Условие выживания.

Вера усмехнулась, хотя кожа между лопатками похолодела.

— А если всё-таки выйду?

— Не отвечайте, когда вас назовут по имени.

В половине первого свет в мастерской мигнул. За дверью прошли босые ноги — медленно, с влажным шорохом.

Потом женский голос сказал:

— Вера.

Она не ответила.

Голос повторил её имя уже детским шёпотом.

Глава 3. Первый странный портрет

Для контрольной расчистки Вера выбрала Мельникова. Если Александр инсценировал аномалии, камера зафиксирует подмену. Если краска реагировала химически, микропробы покажут причину.

Она закрепила фотоаппарат, включила непрерывную запись и сняла квадрат позднего лака размером с ноготь. Под ним обнаружился более ранний слой — рукав мужского халата и край больничной двери.

Дата смерти изменилась с 1998 на 1997 год.

Вера моргнула. Последняя цифра снова стала восьмёркой, затем медленно потемнела и превратилась в семёрку.

Она проверила запись. Камера видела то же самое.

На фоне портрета проступил прямоугольник двери. Латунная цифра 13 появилась последней, словно невидимая кисть положила светлый блик.

Вера взяла микропробу. Краска была сухой на всю глубину.

Телефон завибрировал. Номер не определился.

— Не снимайте следующий слой, — сказала женщина.

— Кто вы?

— Та, которую он не смог вернуть.

Голос был хриплым, взрослым и странно знакомым.

— Где вы?

— В картине. В комнате. В его ошибке. Здесь это одно и то же.

Под растворителем проявились слова: «Первая смерть».

— Что это значит?

— Каждый снятый слой открывает дверь.

Связь оборвалась.

Вера хотела остановиться. Правила консервации требовали прекратить работу при непредсказуемой реакции. Но на нижнем краю уже виднелись две буквы и цифра. Она сняла ещё миллиметр лака.

«В-18».

В этот момент дверь мастерской закрылась сама. На экране камеры изображение продолжало меняться: нарисованный Мельников отвернулся от огня и посмотрел прямо на Веру.

Телефон снова ожил.

— Ты не реставратор для них, — произнёс тот же голос. — Ты следующий слой.

Вера выключила лампу. В темноте свежая дверь №13 на портрете осталась видимой.

Глава 4. Ночной коридор

Босые шаги вернулись в два часа. На этот раз Вера открыла дверь.

В конце коридора стояла женщина в больничной рубашке. Тёмные волосы прилипли к шее, левая рука была перевязана. Когда она повернулась, Вера узнала профиль Софии Райн.

— Подождите.

Женщина пошла быстрее.

Вера взяла фонарь и пакет с ключом. Она отмечала путь мелом: лестница вниз, два поворота, длинный коридор с зелёной плиткой. Клиника не была бесконечной, но расстояния менялись. Между двумя дверями, разделёнными днём тремя метрами, теперь помещалось семь окон.

Женщина остановилась у двери №13.

На полу остались влажные следы босых ног.

Вера вставила ключ. Замок повернулся легко. За дверью находилась каменная стена — старый кирпич, холодный и настоящий. В растворе застрял уголок фотографии.

На снимке 1998 года молодая София стояла у этой двери рядом с Александром и худым человеком с кистями в кармане. Иван Радов. На обороте было написано: «Переход не завершён. Не связывать подпись повторно».

— Отдайте.

Александр стоял в нескольких шагах, полностью одетый, будто ждал.

— Вы следили за мной?

— Я следил за комнатой.

— София умерла здесь?

— София умерла из-за того, что я считал смерть обратимой.

Он протянул руку к фотографии. Вера убрала её в карман.

— Сначала объяснение.

Свет погас. В темноте женщина у стены прошептала:

— Не верь ему.

Когда фонарь снова включился, коридор был пуст. Влажные следы обрывались у ног Александра.

Вера вернулась в мастерскую и заперлась. Она положила фотографию под стекло, проверила запись на телефоне — камера показала только пустой коридор и её, бегущую за никем.

В зеркале над раковиной рядом с Верой стояла девочка лет шести. Белая рубашка, короткие волосы, зелёная краска на пальцах.

Девочка не повторяла её движений.

— Ты снова закрыла дверь, — сказала она.

Вера обернулась. За спиной никого не было.

В зеркале девочка подняла ладонь и прижала её к стеклу.

Глава 4. Ночной коридор

Глава 5. Портрет Веры

До рассвета Вера сняла свой портрет со стены и перенесла в мастерскую. Страх мешал думать, а работа придавала ему форму.

Кромка холста была закреплена кованными гвоздями. Грунт — старше 1990 года. Под верхним изображением инфракрасная съёмка показала другое: маленькое тело на больничной кровати, следы электродов на груди и круглые часы.

Стрелки показывали 03:17.

За подрамником Вера обнаружила плоский конверт. Внутри лежала фотография новорождённого ребёнка с биркой «В-18» и выписка от 14 октября 1996 года.

«Женский пол. Рождена без признаков жизни. Реанимационные мероприятия без эффекта».

Ниже другим почерком:

«03:20 — начало процедуры. 03:24 — первое самостоятельное дыхание».

Семь минут.

Вера родилась 14 октября 1996 года. Мать всегда говорила, что роды прошли тяжело, но отказывалась обсуждать больницу. В детстве Вера рисовала одну и ту же дверь, а Елена сжигала рисунки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.